

Litera

Правильная ссылка на статью:

Потапова М.А. О «глуповатости» поэзии: формула Пушкина в интерпретации В.Ф.Ходасевича // Litera. 2025. № 12. С. 203-209. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.77096 EDN: ZKMPWL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77096

О «глуповатости» поэзии: формула Пушкина в интерпретации В.Ф.Ходасевича

Потапова Мария Андреевна

преподаватель; кафедра цивилизационной журналистики; Университет мировых цивилизаций им.
В.В. Жириновского

аспирант; кафедра мировой литературы; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

117485, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Академика Волгина, д. 6

✉ mashaejik@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.12.77096

EDN:

ZKMPWL

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2025

Дата публикации:

05-01-2026

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия творчества А.С. Пушкина в литературной критике русского зарубежья. В фокусе исследования – интерпретация пушкинской формулы о «глуповатости» поэзии в работе В.Ф. Ходасевича. Объектом исследования выступает комплекс идей о природе поэтического творчества, сформированный в эмигрантской пушкинистике первой трети XX века. Предметом исследования является трактовка парадоксального пушкинского высказывания, предложенная Ходасевичем в его статье «Глуповатость поэзии» (1927). Цель статьи – раскрыть особенности пушкинской формулы в критической мысли В.Ф.Ходасевича. Особое внимание уделяется деконструкции Ходасевичем семантического поля ключевых понятий «ум», «глупость» и «глуповатость» в авторской картине мира Пушкина. Подробно анализируется, как критик выстраивает оппозицию «психологизирующей»

(описательной, дидактической) и «онтологизирующей» (преобразующей) поэзии, где последняя только и может считаться подлинной. Методология исследования строится на комбинированном подходе, сочетающем историко-литературный, сравнительно-исторический и структурно-семантический методы анализа текста. Проводится систематизация коннотатов ключевой лексики на материале статьи В.Ф.Ходасевича «Глуповатость поэзии». В результате работы выявлено, что Ходасевич осуществляет разграничение понятий «глупости» как порока и «глуповатости» как особой эстетической категории. Согласно мнению критика, в творчестве Пушкина «глуповатость» воплощается в качестве поэтического приема, компонента авторской маски, закона поэтического бытия, а также маркера совершенной «онтологизирующей» поэзии. Научная новизна исследования заключается в системной реконструкции подходов Ходасевича, что вносит вклад в понимание рецепции «солнца русской поэзии» эмигрантской пушкинистикой. Результаты исследования могут быть использованы в пособиях по истории русской литературы, при изучении литературной критики Серебряного века и русского зарубежья, в курсах по философии творчества и теории интерпретации текста. В заключении делается вывод о том, что статья Ходасевича является не только анализом отдельно взятого пушкинского афоризма, но литературным манифестом, утверждающим независимость и трансцендентность высокого поэтического искусства.

Ключевые слова:

Пушкин, Ходасевич, афоризм, формула, поэзия, литературная критика, Серебряный век, русская эмиграция, интерпретация, эстетика

Миф об А.С.Пушкине, формировавшийся на протяжении всего XIX века, еще при жизни гения, претерпел кардинальную трансформацию в эпоху исторического слома 1917-1922 гг. Если для советской власти Пушкин подлежал «освоению» и канонизации в рамках новой идеологии, как поэт народный, то для миллионов соотечественников, оказавшихся в изгнании, его фигура приобрела сакральное значение. В культурном пространстве русского зарубежья Пушкин становился символом России уходящей, духовной родиной, которую преступно забыть и невозможно разрушить. Его творческое наследие определяло образ всей национальной культуры, противопоставленный и большевизму, и философским течениям Запада. Художественные искания Пушкина подвергались широкому осмыслению и в литературной критике. Благодаря работам Ю.И.Айхенвальда, А.Л.Бема, В.Л.Бурцева, З.Гиппиус, Д.Мережковского и др. выстраивался уникальный «пушкинский текст» изучение которого позволяет понять закономерности формирования культурной памяти и национальной идентичности. Особое место в эмигрантской пушкинистике занимает Владислав Ходасевич (1886-1939).

Поэт-неоклассик, «литературный потомок Пушкина по тютчевской линии», Ходасевич в своих трудах предлагает не только глубоко личный взгляд на поэта, но вступает с ним в диалог на равных. [\[5\]](#). «Если мы не захотим закрывать глаза и затыкать уши, то нам придется признать, что художественный канон Пушкина, как бы мы его ни ценили, может оказаться кодексом форм прекрасных, но отживающих (частично или полностью, навсегда или временно, до своей «реставрации») Нельзя и не надо превращать пушкинский канон в прокрустово ложе» («Окно на Невский Л .Пушкин», 1922) [\[8, с.427\]](#).

Так, опираясь на пушкинское высказывание «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповатой», Ходасевич размышляет о том, что есть поэзия вообще, в чем заключается неповторимый ее феномен, и как на самом деле соотносятся «кастальский ключ» вдохновения и голос холодного рассудка. Цель нашей статьи – раскрыть особенности формулы А.С.Пушкина в критической мысли В.Ф.Ходасевича. Материалом данного исследования послужила статья «Глуповатость поэзии» (1927), которая «более, чем какая-либо другая, заслуживает право называться литературным манифестом» [7, с.5].

Тема поэта и поэзии в литературе именуется вечной. В первой трети XIX в. вопрос о земном предназначении стихотворца становится магистральным в связи с актуализацией романтического дискурса. Увлечение мистицизмом, стремление постичь онтологическую природу вещей определялись основными положениями философии немецких идеалистов Ф.Шеллинга и И.Фихте. По Шеллингу, формы разумного познания состоят не в умозаклечениях и доказательствах, а в непосредственном интеллектуальном созерцании-интуиции, субъектом чего может выступать только философский или художественный гений [3]. Отсюда происходит мотив «избранничества» поэта как посредника между земным и небесным, способного воплотить в слове божественную истину. Формируется новая эстетическая реальность, где романтические принципы реализуются в контексте национального духовно-религиозного мировоззрения. Макрокосмический диалог человека и Бога предает поэзии сакральный статус. Однако имплицитное присутствие двух противоположных миров – как в сознании субъекта, так и в пространстве объекта – неизбежно порождает комплекс противоречий. Совершенное всегда граничит с порочным, духовное – опрощается профанным, серьезное дает поводы к иронии: «все должно быть шуткой и все всерьез» [9, с.165]. Трансцендентальный уровень работы воображения, равно иронического и склонного к катастрофизму, расширяет субъективность до Абсолюта, открывая «способность Я воспринять в себя всю полноту мира и вновь расширить до бесконечной полноты» [9, с.165]. Подобная диалектика определила вектор дискуссий о художественном творчестве.

Говоря о Пушкине, В.Ф.Ходасевич неоднократно подчеркивает формульность его текстов, где под «формулами» понимаются короткие концептуальные фразы, которые, в силу простоты и ясности, мгновенно подвергаются цитированию. Но простота эта нередко оказывается мнимой, вызванной неспособностью к аналитическому чтению. В результате чего происходит редукция смыслов. Так, по мнению Ходасевича, ошибочно истолковывается письмо Пушкина Вяземскому (1826): «Твои стихи... слишком умны. А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата» [6]. Утверждение парадоксальное, поскольку противоречит концепту поэта-пророка, который, еще в XVIII приобретает «особый антично-просветительский слой» в творчестве Г.Р.Державина и И.И.Дмитриева, позднее обогащается пушкинской интерпретацией [4, с.117]. Фундаментом «пророческого канона» Пушкина по-прежнему остается идея миссионерства, однако ключевой акцент сдвигается на духовное преображение поэта – «преображение в евангельском ключе обожения человека» [4, с.117]. Оттого в статье «Глуповатость поэзии» Ходасевич рассматривает проблему соотношения понятий «глуповатость» и «глупость» в авторской картине мира, во многом базирующейся на антитезе глупость/ум: «Неужели сам Пушкин думал, что <...> Душа поэта вострепнется – и поэт станет говорить глуповатости? И как мог сам он отдать всю жизнь делу, для него заведомо глуповатому?» [7, с.281]. Систематизируя коннотаты лексемы, предложенные Ходасевичем, мы выделили следующие значения:

Глуповатость как «сочетание смешного с важным» [7, с.281].

Ходасевич начинает разбор пушкинской формулы с её ядра, определяя «глуповатость» как «сочетание смешного с важным». Это принципиальное указание на жанровый синтез, характерный для поэтики Пушкина: ирония, шутка, формальная несерьёзность текста становятся средством воплощения истины. Соотнося понятия «глуповатость» и «глупость» критик проводит семантическую границу, подчеркивая отсутствие узуальной синонимии между данными понятиями. Глупость в представлении Пушкина – тяжелый порок, в частности, для поэта. Это подтверждается репликами в том же письме Вяземскому: «Я без твоих писем глупею...», «Правда ли, что Боратынский женится? боюсь за его ум» [6]. Если ум по Пушкину обеспечивает цельность личности, концентрацию «Я» вокруг высоких идеалов и устремлений, глупость опрощает и озлобляет человека, в конечном итоге разрушая талант. Оттого семантически «ударной» в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) – суть завещания поэта – оказывается фраза «не оспаривать глупца» [6]. Глупость во все времена служит «тенью» чужого таланта и самым яростным его антиподом. Крайней степенью отсутствия ума признается безумие, которого, как известно, Пушкин боялся более всего: «Не дай мне бог сойти с ума...» (1833) [6]. Ум – ключевой инструмент самоидентификации, «орган общения» человека с Богом и миром. Утрата его для Пушкина означает потерю самой жизни. «Глуповатость» меж тем, обозначает набор поэтических приемов, с помощью которых глубокое содержание стихотворения передается иронически, для лучшего усвоения (о освоения) читателем. Отсюда вывод Ходасевича: «Поэзия должна быть глуповата, но поэту надлежит ум» [7, с.281].

«Глуповатость» как авторская маска.

Каждый выдающийся поэт тождественен совокупности представлений о нем, и вместе с тем, он есть нечто принципиально иное. И чем масштабнее дар, тем менее одаренный хочет казаться «поэтическим лицом» в жизни. Истинный талант естественен, а деланная «поэтическая повадка», по выражению Ходасевича, привлекает только посредственность [7, с.281]. В призыве к «оглуплению» поэзии, вульгарной ее прозаизации, критик видит попытку Пушкина отделить свое биографическое «я» от мифологического. При том, что «умнейшего человека в России» в нем признавал лично Николай I, Пушкин нередко предпочитал скрывать свой блестящий ум за шутливыми самохарактеристиками: «я умник из глупцов» («Я сам в себе уверен», 1817), «повеса вечно праздный» («Юрьеву», 1821), «я просто русский мещанин» («Моя Родословная», 1830) и др. [6] Пушкинское творчество вместило в себя множество различных воплощений авторского «Я», что проявилось также в публицистике.

Поэт сознательно избегает демонстративности, которая, вызванная подчас неоправданными амбициями автора, сама обращается в глупость. Более того, Пушкин «терпеть не мог, чтобы на него смотрели, как на поэта» [7, с.281]. В подчеркнутой «глуповатости» Ходасевич полагает сложную стратегию самопрезентации. Выступая под маской светского, легкомысленного человека, Пушкин дистанцировался от образа высокого творца, обеспечивая себе творческую свободу.

«Глуповатость» как закон поэтического бытия.

Поэзия не существует изолированно – она является результатом специфического мировидения. Данный тип рецепции подразумевает отход от утилитарных механизмов мышления, распространенных в повседневности и именуемых «здоровым смыслом» [7].

[с.281](#). Автор и читатель вступают в сферу, где привычные критерии ума/глупости становятся неприменимы. Достоверность уступает место «правдоподобности», искусству воображения. По Ходасевичу, мудрость поэтического слова рождается из принципиально другой системы понятий, что подчас и воспринимается обывателем как «глуповатость». Однако это означает не снижение интеллектуального уровня, а своеобразную смену ракурса: отказ от строгого соблюдения житейских установок в пользу художественности. При сохранении законов формальной логики, служащей «координирующим началом» между реальным и поэтическим измерениями, поэзия преобразует действительность, в том числе благодаря многочисленным «допущениям». Именно на этом фундаменте – преобразования действительности без ее искажения, как считает критик, зиждется пушкинский принцип «проверки воображения рассудком», обеспечивающий целостность и убедительность произведения.

«Глуповатость» как маркер «онтологизирующей» поэзии.

Исходя из представления о том, что «глуповатостью» считаются произведения, недоступные для буквального понимания, Ходасевич строит рассуждение «от противного», приводя в качестве образцовых тексты, прикрепленные к «только реальности» [\[7, с.281\]](#). Классификация критика включает дидактическую поэзию (от античных авторов до М.В.Ломоносова), сатирическую поэзию (от Горация до Кантемира), басню, отступающую от «здорового смысла» лишь на уровне сюжетных деталей, и, наконец, гражданскую поэзию [\[7, с.281\]](#). Но «образцовость» данных направлений справедлива лишь отчасти. Во-первых, примерами всех вышеперечисленных жанров изобилует творчество едва ли не каждого поэта. Во-вторых, поэзия, ориентированная на практику, является лишь «психологизирующей», т.е. «описательной» [\[7, с.281\]](#). Решая задачи исключительно профанной сферы, она утрачивает потенциал подлинного созидания, возвышения личности автора до позиции творца. Ограниченность проблематики и поэтики ее очевидна на контрасте с пушкинской – «онтологизирующей», или преобразующей поэзией. Если первая описывает объекты земной «горизонталь», то вторая имеет дело с надмирным – «более реальным, нежели просто реальное» [\[7, с.281\]](#).

Итак, Ходасевич осуществляет деконструкцию пушкинской формулы, выявляя ее парадоксальную природу. Критик последовательно разграничивает понятия «глупость» и «глуповатость», демонстрируя, что для Пушкина первое является разрушительным пороком, тогда как второе представляет собой особую эстетическую категорию. «Глуповатость» трактуется не как отсутствие ума, а как специфическая форма его проявления, противостоящая прямому дидактизму. Ходасевич обнаруживает в ней: а) Поэтический прием, основанный на сочетании серьезного с ироническим; б) Авторскую маску, позволяющую отделить реального Пушкина от сакрализованного образа поэта-пророка; в) Онтологический закон творчества, где «глуповатость» отражает принципы поэтического бытия и мышления. Поэзия «онтологизирующая», направленная на преобразование действительности, может и должна вступать в противоречия с диктатом «здорового смысла».

Таким образом, статья В.Ф. Ходасевича «Глуповатость поэзии» представляется не только ключом к пониманию пушкинского слова, но и значимым литературно-философским манифестом. В интерпретации критика формула Пушкина утверждает автономию художественного творчества, его особый онтологический статус и неразрывную связь творческой свободы с интеллектуальной и духовной цельностью поэта.

Библиография

1. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Терра-Спорт, 1998. – 543 с.
2. Виролайнен, М. Н. Легенды и мифы о Пушкине. – СПб.: Академический проект, 1999. – 352 с. EDN: XMUITZ
3. Гулыга, А. В. Шеллинг. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 271 с.
4. Королева, С. Б., Байчжэнь У. Судьба концепта в литературе: пушкинский "Пророк" в диалоге с русской культурой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – № 3. – С. 91-102. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-3-117-130 EDN: YMJSST
5. Набоков, В. В. О Ходасевиче // Современные записки. – Париж, 1939. – № 68. – С. 240-245.
6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / ред. комитет: М. Горький и др. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
7. Ходасевич, В. Ф. Глуповатость поэзии // Современные записки. – Париж, 1927. – Кн. 30. – С. 277-281.
8. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. – М.: Русский путь, 2009. – Т. 1. – 720 с. – URL: <https://imwerden.de> (дата обращения: 20.10.2025)
9. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. – М.: Искусство, 1983. – Т. 2. – 448 с.
10. Эйдельман, Н. Я. Пушкин: из биографии и творчества, 1826–1837. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 9-64.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Фраза Пушкина о том, что «поэзия должна быть глуповата», получила многочисленные истолкования как исследователей, так и поэтов. Она рассматривалась и в контексте противопоставления «проза – поэзия», и в контексте поиска смыслов и форм лирического высказывания, реализуемых в художественной практике как Пушкина, так и русских поэтов, наследующих его традицию. И очевидно, что точка в этом потоке интерпретаций не будет поставлена, так как размышление о пушкинском понимании поэзии как «глуповатой» для поэтов становится поиском их собственного понимания смысла поэтического творчества и поэзии как онтологического явления.

Автор статьи «О «глуповатости» поэзии: формула Пушкина в интерпретации В.Ф. Ходасевича» сконцентрировал свое внимание на статье В.Ф. Ходасевича «Глуповатость поэзии» (1927) и сформулировал цель своей работы следующим образом – «раскрыть особенности формулы А.С. Пушкина в критической мысли В.Ф. Ходасевича». Цель определила вектор исследования и его структуру. Отметим продуманность структуры статьи. Автор отмечает, что Ходасевич указывает на парадоксальность пушкинской мысли о «глуповатости» поэзии, воспринимает ее как антитетичную представлению о пророческой миссии поэта (эта идея нашла выражение в цикле «Подражания Корану», стихотворении «Пророк» и трагедии «Борис Годунов»), делает акцент на проблеме

соотношения понятий «глуповатость» и «глупость» в авторской картине мира, а затем выделяет ключевые значения слова «глуповата». Они-то последовательно и рассматриваются автором статьи. Так обозначились четыре раздела: «Глуповатость как «сочетание смешного с важным»», ««Глуповатость» как авторская маска», ««Глуповатость» как закон поэтического бытия», ««Глуповатость» как маркер «онтологизирующей» поэзии». Они составили каркас рассуждений Ходасевича о пушкинском парадоксе. Автор статьи конкретно, точно и емко характеризует каждый параметр, вычитываемый Ходасевичем в пушкинском определении.

В статье последовательно выдерживается научный стиль, однако наблюдается некоторая пунктуационная небрежность. Огрехи встречаются редко и не влияют на понимание, поэтому можно ограничиться советом автору быть внимательнее при оформлении статей. Второе пожелание – шире фундировать свое исследование. Не надо механически увеличить число исследований в списке литературы, но отсылки на труды, в которых речь идет о проблеме «Пушкин в художественном восприятии Ходасевича», дать стоило. Как, впрочем, и обозначить некоторый научный контекст в интерпретации пушкинской фразы о «глуповатости» поэзии. Было бы неплохо пояснить историю появления статьи Ходасевича. Данные пожелания не влияют на общую оценку статьи как состоявшегося исследования, имеющего несомненную научную ценность. Использованный системный подход и концептуальный анализ позволили целостно представить позицию Ходасевича в его понимании сути поэтического творчества. Закономерным становится вывод автора статьи о том, что «статья В.Ф. Ходасевича «Глуповатость поэзии» представляется не только ключом к пониманию пушкинского слова, но и значимым литературно-философским манифестом».

Таким образом, рецензируемая статья рекомендуется к публикации.